

ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ

Андреев В. Культура. - 1991. - 28 сент. - с. 10.
(13)

28/IX - 1991г.

Владимир АНДРЕЕВ. Говорят о Его Величестве Случае, но не все случайно на этой земле. Была, наверное, предопределенность в том, что одной из первых ролей моих был Сергей в ваших «Гостях» в спектакле Лобанова. И в том, что спустя тридцать пять лет я поставил «Гостей» в Малом театре. И что сейчас, вернувшись в ермоловский театр, тружусь над вашим «Пропавшим сюжетом», готовлю роль Дорогина в вашей Главной Пьесе, как вы ее сами определили.

Леонид ЗОРИН. И впрямь, Лобанов связал нас и, как видно, — надежно. Не все знают и не все уже помнят, какой театр создал Лобанов в конце сороковых годов — начале пятидесятых. Место ермоловцев на театальной карте Москвы было вполне определенным, и ни одна другая труппа на него не претендовала. Это был театр интеллигенции, у него был свой голос, негромкий, но внятный (громко интеллигентия говорить не могла, да и вообще громогласность не в ее традиции), было особое благородство тона, был даже свой репертуар — в пору всеобщей унификации это было своеобразным подвигом. Стоило появиться молодому Трифонову, и он сразу же стал лобановским автором. Личность великого режиссера находилась в гармонии с его даром. Так и стоит он перед глазами — строгий, далекий любой суеты, избегающий всякого предствительства. Мне уже приходилось писать, что его разногласия с режимом носили прежде всего эстетический характер — этот дубовый язык резолюций, этот всевластный канцеляризм, эта пляска аббревиатур — были ему невыносимы.

В. А. Он даже не знал, не хотел знать названий всех административных инстанций, не хотел вникать в тонкости иерархии. Наверно, я никогда не забуду, как однажды при каком-то конфликте он с незабываемой интонацией брезгливо сказал: «Куда у вас жалуются?.. В профком?..». Так он, видимо, представлял себе высшую театральную власть. Зато сами власти отлично знали, с кем дело имеют, и были бдительны. «Гости» прошли всего один раз. У меня навечно осталось в памяти: подхожу к театру, а тогдашний начальник управления культуры собственноручно снимает стеклышко с репертуарной витрины с названием «Гости» и заменяет его «Невольницами» — не без символики! Я дал себе слово «Гостей» возродить, но ждать этого пришлось мне долго — три с половиной десятилетия.

Л. З. Дожили все-таки. Пусть не все работы в спектакле Малого театра были на уровне Вилькиной и Коршунова, тем не менее зрительская реакция оказалась достаточно единодушной. Старая пьеса о «новом классе», как выяснилось, за эти годы не устарела. Уж не знаю, радоваться ли этой устойчивости.

Все сплетено, все закономерно. В кабинете драматурга Леонида Зорина висит портрет замечательного советского режиссера А. М. Лобанова. Точно такой же — в Театре имени М. Н. Ермоловой над рабочим столом художественного руководителя театра, народного артиста СССР Владимира Андреева. Так уж случилось, что творческие биографии этих художников оказались тесно связанными. Когда-то Андрей Михайлович Лобанов привел в театр еще студентом своего ученика, молодого артиста Владимира Андреева. И совсем начинающим драматургом пришел к ермоловцам Леонид Зорин.

КОГДА РАСПЛЕЩЕТСЯ СИРЕНЕВЫЙ ВЕЧЕР...

В. А. Я не хочу сейчас представлять ни мятежником, ни диссидентом. Я исходил из одной посылки — где правда жизни, где честность мысли, там и передовой театр. Поэтому Театр имени М. Н. Ермоловой поставил всю драматургию Вампилова, «Деньги для Марии» Распутина. И что же? Этот призыв к милосердию воспринимался как крамола. Тоталитарные силы всегда враждебны к естественным чувствам. Еще был Веды «жалость унижает человека». Надо же было до такого додуматься! Ваш «Пропавший сюжет» с его апологией нормальной жизни, с его исходным превосходством любви над всякой идеологической схемой для меня счастливая возможность высказаться. Дорогин, знающий, что мнимое, что подлинное, и — бедная юная террористка, пожертвовавшая своим первым чувством ради ненависти и насилия, — красноречивая модель постоянного смещения ценностей.

Л. З. Бессмысленность выбора героини — предпочтение, отданное борьбе, перед личным счастьем, — наша вечная тема. В. А. С возрастом эти вечные темы занимают меня все больше. Лишь к ним и лежит моя душа. Когда-то приняв ермоловский театр, я советовался с Г. А. Товстоноговым. Он сказал: «Попытайтесь ставить, что хочется. Вряд ли удастся, но попытайтесь». Теперь я еще осмысленнее хочу руководствоваться этим советом. Пока не поздно. Вот репетируем повесть Виктории Токаревой, приступили к работе над исторической пьесой Давида Самойлова «Сухое пламя», хотим инсценировать роман в письмах Алексея Апухтина «Архив графини Д.». Как видите, вновь отстаю от моды.

является, побеждает и проигрывает, становясь общим местом. Скажите, вы еще можете слышать без содрогания слово «духовность»?

В. А. Но есть еще мода, так сказать, для элиты.

Л. З. Естественно, и на высшем уровне она обретает свое назначение. Однако и здесь она текуча. Как у Шиллера в переводе Жуковского — «приходит, уходит волна быстротечная». Это относится и к стилю, и к жанру, и к целому направлению. Где модернизм, там постмодернизм. Идея авангарда в искусстве относительно так же, как идея прогресса. Когда ее определяет попытка насильственного пересмотра процесса, она, как всякая революция, приводит к обратному результату. Вы объяснили свои пристрастия вашим возрастом — причина не в нем. Вряд ли водораздел проходит на возрастных рубежах поколений. Есть много седовласых новаторов, а юный Бунин, как нам известно, был подчеркнута академичен. Все дело в художественной природе. У творческой цели есть два начала — первое связано с исследованием, второе, как правило, исходит из самодостаточности искусства. Я думаю, для обеих систем — открытой и замкнутой — не обязательно фатальное противостояние. Юмор может быть соединительной тканью.

В. А. Но верность традициям порой толкуется как консерватизм. Л. З. Что ж, консерватизм — не косность. Больше того, роль консерватора, как убеждает человека, может быть глубоко благодарна. Мне уж случалось приводить мысль Манна о «дерзком традиционализме». Он-то и отличал Лобанова.

В. А. Я вам задам деликатный вопрос. Сможете открыто ответить?

Л. З. Во всяком случае, попытаюсь.

В. А. Недavno «Пропавший сюжет» был сыгран — и столь успешно — в Париже. Это ваша восьмая пьеса во Франции. Само по себе событие радостное, и все же, признайтесь, вам не досадно, что так же, как в случае с «Карнавалом», французы опередили Москву?

Л. З. У каждой пьесы — своя судьба. Как у автора. Всему есть причины.

В. А. Лет восемь назад я прочитал у Инны Соловьевой, что судьба ваша мечена одиночеством. Статья ее так и была озаглавлена — «Одинокое слово».

Л. З. Что тут поделаешь, литераторы, занятые прямым своим делом, в общем-то всегда одиноки.

В. А. И с режиссерами это случается. Но поскольку ваша последняя пьеса называется «Союз одиноких сердец», значит, остается надежда. Бесконечно хочется возродить ермоловский театр, как тот театр интеллигенции, которым он был, каким его видел наш общий учитель. Мы с вами не раз говорили о том, что в Лобанове, в его человеческом стиле, в его взгляде на мир, в эпистолярном наследстве есть нечто чеховское. Мне и ваш Дорогин дорог своим чеховским геном. Но есть ли этому место в сегодняшней жизни? Кстати, еще одна случайность, которая все-таки не случайна: в том же январском номере журнала «Театр», где напечатан «Союз одиноких сердец», я прочел пронзившие меня строки Набокова о типе русского чеховского интеллигента: «Эти люди мечтали... разбивали собственные жизни и жизни других, они были неразумны, слабы, бесполезны и истеричны, но Чехов полагает, что благословенна страна, рождающая таких людей... И то, что они, быть может, живут в жестокой и убогой сегодняшней России, — это обещание лучшего будущего для всего мира, потому что, быть может, самый замечательный из всех замечательных законов природы — выживание слабейших...» Дух

захватывает! И вместе с тем — ведь бесполезны и слабы!

Л. З. Мудрейший Набоков слегка лукавит. Бесполезны все эти люди лишь по убеждению прагматиков и завоевателей жизни, тех, кто рвется в ряды победителей. Но, как сказал один нобелевский лауреат, «победитель не получает ничего», коли судить по высшему счету. Без этих «слабейших», без той ауры, которую они создают, кончится и жизнь души, и жизнь духа, и вся наша жизнь.

В. А. У нас идет сегодня монументальный по булгаковским «Роковым яйцам». Когда бактерии пожирают друг друга, автор со вздохом произносит: «Побеждали самые сильные и лучшие. И эти лучшие были ужасны».

Л. З. Да, Булгаков все разглядел. Но он показал, что надо делать, когда имеешь зоркое зрение. Он сядил за письменный стол и писал «Роковые яйца». Вот так же ничто не могло укрыться от все замечавшего взгляда Лобанова. И он поделился всем, что увидел. Добрый пример нам многогрешным. В меру возможности надо трудиться.

В. А. Как ваш любимый Андрей Дорогин, вы отрицаете борьбу. Спорить не стану — борьба иссушает. Но согласитесь, у нас различные наши стартовые позиции. Вы отвечаете лишь за себя, вам нужны только перо и бумага, а я отвечаю за целый театр, за судьбы людей, и мне нужна сцена, репетиции... Были счастливые трудные дни — в моей студии с молодыми людьми мы занимались только работой. Позвали ермоловцев, и мог ли я отказать себе и вновь уйти в свою башню? Ведь здесь я прожил лучшие годы, на этом здании нынче доска с портретом Лобанова — вам ли не знать, сколько затрачено мною сил, чтобы ее здесь установили. Лобанов — народный артист России, мемориальная

же доска положена лишь народным Союзом. И после смерти его преследовал иерархический абсурд! Вот так я вернулся в Театр имени М. Н. Ермоловой и борюсь, чтобы сберечь этот дом.

Что делать? Вот и августовские события еще раз показали, что «покой нам только снится». Когда Добро — движущая сила борьбы, то она и оправдана, и неизбежна. Главное, чтобы в ее основе не было бы страсти самодовольствия, тогда она — вне разума, вне истины. Конечно, в сражениях мало радости.

Л. З. Все так, но без радости нет искусства. Радость — это условие творчества, Театр Ермоловой будет жить и, надеюсь, будет жить полноценно. Дом сбережен, теперь Андрей должен сберечь самого себя. Иначе я на него пожалуюсь, как Лобанов, куда-нибудь в профком.

Время стремительно убывает. На днях я подумал о режиссерах, с которыми встречался в работе. Что за созвездие имен! Лобанов, Симонов, Товстоногов, Кедров, Завадский, Эфрос, Вивьен, Охлопков, Сусликов — и всех уже нет. Какие артисты вдыхали жизнь в мои несовершеннолетние описи — Меркурьев, Честноков, Толубеев, Юрий Лавров, Николай Плотников, Андрей Попов и Андрей Петров, Добржанская, Насонов, Ходурский, Урбанский, Глазырин, Иван Соловьев. А этой весной умер Якут, не стало могучего Леонида Маркова, ушла в одночасье Наталья Вилькина — просто невысказанный мартиролог. И скольких я еще не назвал!

Нет, борьба — слишком большая роскошь для разумного человека, верного своему призванию. Она поистине могила талантов. Там, где она, там жди беды. Недаром три четверти столетия она уродовала наше общество, а в августе могла вывести его на разрушительный виток, свергнуть в пучину вражды и ненависти.

Вы видели, как душная злоба обесплодила недавних писателей, в конце концов отдала их перья шайке ничтожеств и казнокрадов. Теперь мы вступаем в сложную пору — победителям необходимо обуздывать жажду возмездия, которая — горькая гримаса истории — может их нравственно исказить и обесмыслить всю победу.

И раз уж вы вспомнили сегодня мою пьесу «Союз одиноких сердец», я позволю себе закончить беседу финальными словами комедии: «Утештесь. Я обещаю вам: все минет — стихнут угрозы и грозы, уймется ненависть, высохнет кровь. Выглянет желтая луна, и над измаявшейся землей расплещется сиреневый вечер. Как мирно. Только пение цикад и шепот волн, и запах лаванды. Война окончена. Тишина. О, как мы будем любить друг друга».

Беседу записала
Н. ГОЛИКОВА.